

«Три сестры» - в пролете. Лестничном

В Москве продолжается Третий Чеховский театральный фестиваль. Самый спорный спектакль последней недели - «Три сестры» берлинского театра «Фольксбюне» в постановке Кристофа Марталера, одного из известнейших в Европе режиссеров

Персонажи спустились по лестнице завтракать. Примечательно, что еды на столе нет: призраки есть не могут.



Фото Михаила ГУТЕРМАНА

Парочка, сидевшая рядом, страдала. «Он не знает, как надо ставить Чехова!» — заламывала руки барышня. Потом смотрела в бинокль на трех сестер: «Да им по пятьдесят! А страшны-то!» Впереди то там, то тут вставали люди и протискивались к дверям.

Исход недовольных был массовым: он начался после первых десяти минут действия и не прекращался до антракта. В антракте бегущих к дверям людей уже невозможно было остановить. В зале остались самые стойкие, пришедшие в театр на работу: критики, актеры, режиссеры. И — немцы, которым «Три сестры» Марталера очень даже нравились, а блаженная улыбка просто-таки не сходила с их уст.

Пожалуй, это первый случай в практике Чеховского фестиваля, когда зритель уходит со спе-

такля ТАКОЙ волной. И — что особенно забавно — со спектакля, поставленного известным европейским режиссером. В обычной ситуации народ, даже не приняв длинных произведений Петера Штайна, все же оставался на своих местах: «Орестея», круто, надо досидеть. Сейчас зрительское тщеславие («а вот недавно мы смотрели Марталера...») не сработало. Сработала ксенофобия и любовь к привычному — три сестры должны хором восклицать про «если бы знать, если бы знать», а мы должны их дружно жалеть. Жалости к марталеровским персонажам мы не чувствуем. Сложно жалеть заспиртованную лягушку, которую препарирует профессор биологии, чувство сострадания может вызвать лишь живая лягушка, на которую случайно наступили.

Спектакль Марталера — холодная конструкция, построенная даже не на «Трех сестрах», а на фразе из «Трех сестер», с которой все и начинается (не у Чехова): «Да, нас забудут». Монолог этот в первый раз произносит старый Ферапонт. Он чуть ли не по слогам читает книгу, спускается по длинной лестнице, потом вдруг начинает подниматься, но разворачивается и идет все же вниз.

Лестница — главная метафора спектакля. Существует лишь движение вниз, деградация прекраснотушних сестер, которые от действия к действию становятся все аморфнее, все менее и менее способными сестра на поезд и уехать в Москву. Застывающие на сцене люди-призраки — это те, о которых уже забыли. И забыли вполне справедливо. Режиссер вытащил их из Леты, понаблюдая за

судорогами зомби, и сестры исчезли, как исчезают герои после того, как закроется книга.

Московской публике не хватило сил четыре часа смотреть на тех, кто вроде бы и не существует. Вертикально-лестничная модель «Трех сестер» Москву смутила, у нас более привычна модель горизонтальная, где персонажи перетекают из гостиной на веранду, потом в сад, где рядом квартируется полк, где возможно движение в сторону — в Москву или в соседний уезд. Наличие соседних уездов и Москвы утешает: ну не сестры, так дети их когда-нибудь до столицы доберутся. У Марталера сестры замурованы на глухой лестничной клетке, без окон и дверей. По сторонам нет ничего, и Москвы тоже нет. Как, впрочем, нет и самих сестер.

Валентина ЛЬВОВА.